
РЕЦЕНЗИИ

Глядя на Запад: Культурная глобализация и российские молодежные культуры / Х. Пилкингтон, Е. Омельченко, М. Флинн, У. Блюдина, Е. Старкова / Пер. с англ. О. Оберемко, У. Блюдиной. СПб.: Алетейя, 2004. 278 с. ISBN 5-89329-684-2.

Дискуссия относительно процесса глобализации среди социологов ведется, по преимуществу, в отношении четырех основных тезисов. Во-первых, по такому параметру, как *глобализация – локализация*, то есть рассмотрение того, каким образом глобальные вопросы решаются на местном уровне [Gray, Fook, 2004]. Ряд авторов предлагает трактовать глобализацию как создание системы противовесов, где, с одной стороны, происходит интеграция мирового сообщества, а с другой – разбиение на относительно автономные регионы в пространстве и на автономные группы в социуме [Толстых, 1998]. Во-вторых, исследователи рассматривают оппозицию *универсальные – местные стандарты*, их релевантность, сравнимость и совместимость [Gray, Fook, 2004]. С одной стороны, очевидно, что ни одна из существующих систем ценностей не готова предложить таких стандартов, которые бы приняло все мировое сообщество. С другой стороны, необходимо признать, что нужны идеи и цели, объединяющие мир. Среди отечественных авторов популярны споры вокруг оппозиции *западное – не-западное*, то есть постановка вопроса о применимости западного опыта в иных контекстах. В частности, по мнению А. Гусейнова, идея глобального общества может найти опору в неевропейских культурах только в той мере, в какой она становится их собственной идеей [Толстых, 1998]. Продолжением этой

дискуссии является обсуждение оппозиции *мультикультурализм – универсализм*, то есть вопрос существования или отсутствия минимальных универсальных ценностей. Ряд авторов указывает на необходимость перехода к демократическому глобализму, основанному на демократии участия и диалоге культур, то есть признании идеи многополярного, многополюсного мира в противовес экспансии Запада [Толстых, 1998].

Эти важные дискуссии нашли отражение в книге «Глядя на Запад: Культурная глобализация и российские молодежные культуры», которая вышла в результате совместных исследований британских и российских социологов (Центр русских и восточно-европейских исследований Бирмингемского университета и научно-исследовательского центра «Регион» Ульяновского государственного университета). Исследования были посвящены изучению восприятия или сопротивления образам Запада российской молодежью. В фокусе исследования была молодежь городов Москвы, Самары, Ульяновска (как наиболее мобильная и восприимчивая часть населения) и один элемент молодежной культурной практики – молодежные СМИ (как наиболее доступный способ передачи идеологии) [С. 43].

Структура и содержание книги построены на выявлении парадоксов, амбивалентностей и противоречий влияния глобализации и западной культуры на российскую молодежь. Авторы последовательно прослеживают динамику изменения отношения к Западу: от «обожания» и символизации западной жизни как идеальной в эпоху Горбачева к социальному согласию в 1991 году, когда Запад воспринимался как образец политической организации [С. 25], и партнерству в середине 90-х – до появления скептицизма и возвращения статуса России как великой державы [Гл. 1, С. 26], а также взаимного недовольства.

Подобные тенденции прослеживаются авторами и в деятельности СМИ: к концу 1990-х годов западные имена и культурные фигуры перестали быть в диковинку, что способствовало интеграции в глобальный контекст молодежной культуры [С. 59]. Отметим, что деятельность СМИ, играющих главенствующую роль в формировании интеллектуальной среды, выступает одной из предпосылок глобализации [см.: Ахмади, 2005]. Ряд авторов указывает на прямо пропорциональную зависимость развития глобализации от скорости развития информационных технологий, СМИ и массовой коммуникации [Геловани и др., 2005]. Как указывают авторы книги, несмотря на то, что поначалу российские СМИ копировали западные аналоги, а Запад и западная

культура стали непосредственно влиять не только на формирование вкусовых предпочтений молодежной аудитории, но и на содержание и форму подачи информации, со стороны создателей российских СМИ отмечалась необходимость «дозировки» информации о Западе [С. 60].

Мысль об изменении отношений к Западу со стороны российской молодежи поддерживается рассмотрением схожей тенденции в общемировом контексте. Так, А. Филиппов указывает на поддержание позитивных аспектов глобализации, связанных с первоначальным рассмотрением весьма соблазнительных перспектив и наличием экономических аргументов, когда повсеместно распространялся тезис «глобализация – это хорошо, потому что это хорошо для экономики, а где хорошо экономике, там хорошо и всем остальным» [Филиппов, 2001. С. 284]. Однако если изначально вдохновение сторонников питалось идеей единства и унификации, то с течением времени акценты стали все больше смещаться в сторону универсальности многообразия [Филиппов, 2001. С. 288].

Восприятие образов Запада молодежью авторы рассматривают как зависящее не только от политических, экономических и социокультурных изменений, но и от формирования идентичности российской молодежи и определения, что для нее есть Запад: Америка, Европа, столица, «не Восток» или «где-то там, за границей». Отождествление Запада со столицей можно связать с высказыванием Кастельса о влиянии «мегагородов», которые «оторваны от своих региональных и национальных контекстов и распространяют глобальные жизненные идеалы, образы и способы мышления на все свое окружение» [Castells, 1996, цит. по: Ахмади, 2005. С. 44].

Идентичность российской молодежи, как указывают авторы, формировалась также под влиянием принадлежности к «продвинутой» или «нормальной» ее части: «продвинутые» чаще имели доступ к опыту и продуктам западной культуры и сами себя характеризовали через ориентированность на внешний мир и стремление к личному росту и «центру», в то время как «нормальные» отвергали тусовочную практику, придерживались групповых норм, локальной культурной практики и старались «не выделяться». Авторы, анализируя причины различий между двумя формами идентичностей, ссылаются на разные каналы доступа к глобальному [С. 187]. Другим фактором формирования идентичности было восприятие респондентами «одинаковости» молодежи как в России, так и на Западе: в то время как одна часть молодых людей воспринимала молодежь как одинаковых

в смысле тех или иных жизненных целей, другая понимала «одинаковость» так, что материально обеспеченные молодые люди могут позволить себе жить, как западная молодежь.

Согласно результатам исследования, респонденты воспринимали себя живущими в уникальной стране, которая не является ни Западом, ни Востоком. В связи с этим значимость Запада наблюдалась постольку, поскольку она участвовала в формировании российской идентичности посредством «значимого другого» [Гл. 8].

Несмотря на то, что некоторые авторы указывают на двухстороннее влияние глобализации (например, по Х. Ричардсу, глобализация представляет собой процесс, в соответствии с которым «общества, которые изначально жили обособленно /изолированно/ начинают идти на контакт и влиять друг на друга» [Richards, 1997, цит. по: Lyons, 1999. С. 4]), российская молодежь, как показали исследования, рассматривает связь России и Запада как однонаправленную, с практическим отсутствием обратной включенности.

Авторы наблюдают критическое отношение молодежи к тому, что «поставляется» с Запада. Признание ею материальных преимуществ не мешало сдержанно относиться к западным ценностям, которые представлялись абсолютно чуждыми для России [С. 93]. Если, например, на Западе клубная жизнь открывала пространство, где можно укрыться от живущего скоростью постмодерного города, испытывающего дефицит осмысленного социального взаимодействия [С. 140], то пространству российских городов свойственна неразбериха, дисфункциональность и запыленность, где толпа – это «враждебное присутствие» [С. 141], что указывает на отсутствие общих культурных оснований и восприятие особой российской специфики и собственного пути развития. Если, по мнению А. Смита, глобальная культура преследовала иллюзорное настоящее или воображаемое будущее [Smith, 2002], то для российской молодежи свойственен поиск стимулов не в «виртуальном», а в «реальном» общении посредством такой культурной практики, как тусовка [Гл. 6].

Тем не менее влияние западных традиций, во многом через подражание, молодые люди обнаруживали в СМИ, субкультурах, а также в использовании стилевых элементов [Гл. 7]. Однако российские молодежные субкультуры, по мнению авторов исследования, не просто копировали западные, а воспроизводили их с учетом отечественных культурных традиций [С. 126], а так называемый «западный стиль» использовался для создания урколокальных различий [С. 188]. В этой

связи, по мнению авторов, можно говорить о таком явлении в молодежной среде, как глокализация, используемом для отличия себя от локальных «других» [С. 126].

У. Бек, ссылаясь на Р. Робертсона, под глокализацией понимает совмещение слов «глобализация» и «локализация» [см.: Бек, 2001. С. 91]. Данный процесс возникает, когда роль локального усиливается [Бек, 2001. С. 86], что можно наблюдать, например, в стратегии «глобальной локализации» крупнейших концернов, основанной на стремлении стать частью той или иной культуры [Бек, 2001. С. 87], в локальных продуктах, которые были глобализированы (итальянская пицца, индийский карри), в повсеместном распространении африканских ритмов и восточных мотивов [Globalization... 2000]. А развитие локального как туристического центра приводит зачастую к возрождению стереотипных «традиционных» видов искусства и ремесел с целью соответствия глобальным ожиданиям туристов [Ibid]. В подобных случаях, как отмечает Р. Робертсон, «локальное является манифестацией глобального, так как локальное более не может избежать воздействия глобальной культуры» [Robertson, 1992, цит. по: Globalization... 2000. P. 20].

Авторы обеспокоены примечательным фактом отсутствия национального самосознания в молодежной среде. Анализируя ответы респондентов, исследователи пришли к выводу, что молодежь воспринимает Америку как способную утверждать себя на мировой сцене и экспортировать свои ценности и продукты не благодаря высокому культурному статусу, а способности вызвать патриотические чувства у своих граждан и сильной государственной власти [С. 111].

Ключевой идеей книги является весьма противоречивое отношение российской молодежи к образам Запада, которое зависит от формирования определенного типа идентичности, принадлежности к «нормальной» или «продвинутой» категории, доступа к тем или иным глобальным «продуктам», далекому или близкому расположению «к центру». Книга адресована социологам, культурологам, социальным философам – всем, кого интересуют особенности бытования молодежных культурных практик и формированием идентичностей молодежи. Это действительно важный вклад в развитие социологии молодежи, который позволит приблизиться к пониманию процессов формирования молодежных идентичностей и культур в эпоху глобализации.

Список литературы

- Ахмади Н.* Глобализация сознания и новые требования к международной социальной работе // Журнал исследований социальной политики. 2005. Т. 3. № 1. С. 39–59.
- Бек У.* Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию / Пер. с нем. У. Бек. М.: Прогресс-Традиция, 2001.
- Геловани В., Бритков В., Дубовский С.* Информационное клонирование в процессах глобализации // Общественные науки и современность. 2005. № 6. С. 121–128.
- Толстых В.* Диалог культур в глобальном мире // Свободная мысль. Теоретический и практический журнал. 1998. № 8 (1477). С. 119–128.
- Филиппов А.* Печальная глобализация: локальное без границ, глобальное без места // Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию / Пер. с нем. У. Бек. М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 283–297.
- Globalization: The reader* / John Beynon and David Dunkerley (Eds). London.: Athlone Press, 2000.
- Gray M., Fook J.* The quest for a universal social work: some issues and implications // Social Work Education. Oct. 2004. Vol. 23. Issue 5. P. 625–644.
- Lyons K.* International social work: themes and perspectives / Karen Lyons (Ed.). Aldershot: Arena; Ashgate Publishing, 1999.
- Smith A.* Towards a Global Culture // Global transformations reader: An introduction to the globalization debate / Anthony McGrew (Ed.). Oxford: Polity Press, 2000. P. 239–247.

Ольга Михайловна Саевец
магистрант Московской высшей школы
социальных и экономических наук
электронная почта: olga.saevets@msses.ru

Anyon J. Radical possibilities: Public policy, urban education and a new social movement. New York; London: Routledge, 2005. 240 p. ISBN 0-415-95099-6.

Аньон Дж. Радикальные возможности: социальная политика, городское образование и новое социальное движение. Нью-Йорк; Лондон: Рутледж, 2005. 240 с. ISBN 0-415-95099-6.

В последней четверти XX столетия Джен Аньон стала одной из наиболее известных фигур в марксистской области социологии образования. В конце 1970-х и в начале 1980-х годов, когда оживились дискуссии о социальном воспроизводстве в связи со школьным образованием, работы Аньон привлекли внимание многих